

Пусть сопутствуют вам всегда
теплые слова в холодный вечер,
полная луна в темную ночь и доро-
га с холма к порогу вашего дома!

Ирландский тост

...И еще она сказала, чтобы он отправлялся к своей мамочке или куда угодно, и Хохлов поехал к Лавровскому.

Не ехать же в самом деле к родителям!..

Метель мела, «дворники» не справлялись, Хохлов ехал медленно, время от времени тер рукой запотевшее стекло и растравлял свои раны.

Давно нужно было все это дело закончить!.. Сто раз говорил себе, что уже пора, но у него все никак мужества не хватало, и вот до чего дошло — они стали ссориться так, что она его выгоняет!

Какой ты мужик!.. Тряпка ты, и больше ничего, вот и езжай теперь к Лавровскому, а там еще неизвестно, как примут! Да и что значит — примут! Принять-то, конечно, примут, но не станешь же там жить целую неделю с чужими чадами и домочадцами, когда уже можно помириться с Галчонком и вернуться домой!

Давно нужно было все это дело закончить, ох, давно!.. По большому счету, лучше бы и не начинать!

Тут Хохлов засмеялся, перестал тереть стекло, прицелился, чтобы не угодить под «КамАЗ», и повернул налево, в переулки. Впрочем, в их городе все, что не центральная улица, бывшая Ленина, а теперь имени Жуковского, — это переулки.

До Москвы рукой подать, если до Кольцевой, то всего выходит километров двенадцать, а вокруг провинциальная глушь, и близость столицы ощущается только по красному мареву, которое колыхается на горизонте в

той стороне, где мегаполис ворочается и ревет в своем ложе, как будто там непрерывно горит невиданное северное сияние.

Повернув, Хохлов перестал видеть сияние. Теперь перед ним лежала тихая, спящая в сугробах улочка, с двух сторон обсаженная липами и застроенная хрущевскими пятиэтажками.

Где дом-то? То ли этот, то ли вон тот, рядом с помойкой! Вечно он путает и никак не может запомнить! Впрочем, это и немудрено, если все вокруг одинаковое — и липы, и дома, и помойки, а фонарь, сколько себя помнил Хохлов, всегда горел только один, на углу, возле школы. Он и по сей день там горит, освещает въезд во двор и несколько торчащих из снега прутиков акации. Эти прутики когда-то во втором классе они ломали, привязывали на них бумажные цветы и маршировали с ними на Первомайскую демонстрацию. Тогда так было принято — на Седьмое ноября, день пролетарской революции, прикалывать к драповому пальтецу красный бант, а на Первое мая, день пролетарской солидарности трудящихся, навязывать на голые ветки бумажные цветы. Все считали, что это очень красиво, и Хохлов тоже так считал.

И вообще ему нравилось ходить на демонстрации, кричать «ура» и размахивать цветами.

Так дом-то какой, черт бы его взял?!

Тут ему пришла в голову гениальная мысль, что хорошо бы позвонить, прежде чем ехать ночевать к старинному другу, обремененному супругой и потомством, а заодно и спросить номер дома, но Хохлов, продолжая и в машине полемизировать с Галчонком, как-то позабыл о таком простом решении.

Он приткнулся под фонарем, выудил из кармана нагретый мобильный телефон, ошибаясь, потыкал толстым от перчатки пальцем в кнопки, все равно не попал, сдернул перчатку зубами и нажал нужную кнопку.

— Алло!

— Диф, эфо я, Фофлов.

— Алло? — с недоумением переспросил Лавровский.

Хохлов выплюнул перчатку и сказал, что он поссорился с Галчонком, а теперь еще и Димкин дом потерял, и где он, этот самый дом, чтоб ему пусто было!

— Хохлов, это ты, что ли?!

— Нет, — мрачно сказал тот. — Ни фиги не я.

— А... чего ты звонишь по ночам?!

— По каким еще ночам?! Время полдевятого только!

— Да ты что?! — поразился Лавровский. — А я думал, что уже... а-а-а... — И он вдруг откровенно зевнул в трубку.

— Говори быстро номер дома, — приказал Хохлов, — долго я еще тут буду стоять?

— Во... восемь, — с некоторой заминкой ответил Лавровский, но Хохлов был не настолько деликатен, чтобы заминки его смущали. — Квартира сорок пять. А где ты стоишь?

— Возле школы, — буркнул Хохлов. — Давай чайник ставь, я уже поворачиваю.

И он сунул телефон в карман, еще немного поскреб стекло, которое совсем запотело от его разговора и дыхания, и повернул во двор. Нет, нужно менять машину. Менять, менять, и никаких гвоздей! Завтра же поедет в салон и выберет себе... выберет... так, значит, завтра он поедет и выберет...

Приткнуться было некуда — снегом завалило весь двор, и машины стояли в один ряд, а какой-то удалец свою почти что на березу взгромоздил. Хохлов остановился и огляделся. И куда теперь?..

Завтра же он поедет в салон и выберет себе... трактор! А что? Милое дело на тракторе кататься! Раз уж национальная зимняя одежда у нас шапка с ушами и тулуп

с валенками, значит, национальной зимней машиной у нас должен быть трактор!

Пришлось встать возле самой помойки. Завтра с утра сюда потянутся пенсионеры с ведрами и будут его ругательски ругать, потому что прямой доступ к такому замечательному месту практически перекрыт, а еще с рассветом на помойку слетятся голуби, божьи птички. Голуби изгадят всю машину, кляксы помета замерзнут и впечатаются в краску, и не отмыть их будет, не оттереть, и придется Хохлову с голубиными метками ездить!..

Впрочем, недолго, ибо завтра он купит трактор и будет ездить на нем.

Хохлов выбрался из машины как раз в ту сторону, где в рядок стояли ящики, и сразу же почувствовал непередаваемый запах, который не мог заглушить даже ядреный русский мороз.

Тут телефон у него зазвонил, и он подумал, что вдруг это Галчонок одумалась и можно теперь поехать домой переночевать, а к Лавровскому не переться!

Звонила мать.

— Митя?

— Вася, — представился матери Хохлов.

— Мить, ты где? Я домой звонила, а там никто трубку не берет!

Галчонок страдает и не отвечает на звонки, понял Хохлов.

— А я... к Димке поехал, мам. Нам поговорить нужно.

— К Лавровскому?

Хохлов промолчал. Он терпеть не мог, когда ему задавали такие вопросы. Все ему казалось, что таится в них ущемление его свободы и вообще поражение в правах. Ну какая разница, к какому именно Диме он поехал?! Матери до этого что за дело?! Ее сыночку сорок лет скоро, а она все спрашивает, все выясняет, все беспокойство проявляет! Зачем, зачем?.. Сидела бы перед телевизором, смотрела бы телеканал СТС, пила бы свой

смородиновый чай да перекликалась с отцом, который в последнее время стал глуховат, — отличная жизнь!

— Мить, а когда ты вернешься?

— Куда... вернусь?! — Ему вдруг показалось, что мать знает о его ссоре с Галчонком, и он насторожился.

— Ну, домой-то когда поедешь?

— А что такое?

— Да не ездил бы ты по ночам, — с сердцем выговорила мать. — Сам знаешь, какая нынче обстановка.

— Какая обстановка, мама?!

— Криминогенная, — твердо сказала она. — А криминогенная обстановка очень опасная.

— Все будет хорошо, — уверил ее нежный сын. — И не приставай ко мне, мама!

Она вздохнула.

Когда она задавала дурацкие, с его точки зрения, вопросы, он раздражался до невозможности.

А когда она вздыхала, он чувствовал себя скотиной и раздражался еще больше.

— Мам, пока, — скороговоркой произнес Хохлов, — отцу передавай привет и скажи, чтобы он сам подфарники не ставил, я завтра пришлю кого-нибудь, и машину отвезут на сервис.

— Какой еще сервис, Митя! Это же очень дорого! Папа отлично сам поставит в гараже!

— Мама, я знаю, как он поставит! Сделает на соплях, а потом все равно придется в сервис ехать!

— Митенька, он машину водит уже пятьдесят лет, и, я думаю, он знает...

— Мам, короче, все. Завтра у него машину заберут и завтра же вернут, поняла?

— Поняла, — ответила мать тихо, — все поняла.

Хохлов перелез через сугробы на более или менее расчищенную дорожку и зашагал к подъезду.

Неужели в таком возрасте я буду на них похож?! Да быть того не может! Неужели я тоже не буду слушать ра-

зумных советов, все стану переиначивать по-своему, отказываться от того, чтобы мои дети решали за меня все проблемы, а я бы тихонечко сидел в углу и пил свой смородиновый чай? Неужели я тоже буду таким упрямым и перестану понимать жизнь, и меня придется все время тащить в светлое будущее, как мула на веревке, а я превращусь в ретрограда и старую перечницу?! Не может, не может такого быть!.. И чего им не хватает?! Всего им хватает! И ничего не нужно — сын обо всем заботится! И решать ничего не приходится — сын давно уже все порешал, и затруднений никаких у них быть не может, потому что он, Хохлов, давно уже ликвидировал все затруднения в их жизни!

Вот так примерно думал тридцативосьмилетний Дмитрий Хохлов, оскальзываясь на ледяной дорожке, которую экономный дворник лишь слегка поперчил песочком, и невдомек ему было, что все вопросы, которые он себе задает, давно уж заданы, и ответа на них нет и быть не может, и великий русский писатель Тургенев даже книжку на сей счет придумал и назвал ее «Отцы и дети»!

Хохлов уже потянул на себя скрипучую подъездную дверь, когда телефон у него снова зазвонил.

Не иначе отец с разъяснениями, что на сервис он никогда в жизни не поедет, а будет сам в гараже на морозе ковырять свою машину, и вообще, врагу не сдастся наш гордый «Варяг»!..

Звонила Арина.

— Ты чего? — не поздоровавшись, спросил Хохлов и придержал дверь, чтобы она не стукнула его по лбу.

— Привет, Мить.

— Здорово.

На том конце тихонько вздохнули, но он услышал.

— Ну что?

— Да ничего особенного, — сказала Арина с досадой. — Кузя решил на мне жениться, представляешь?..

— Как?! — поразился Хохлов.

— Как, как! Обыкновенно! Как люди женятся?

— Кузя решил на тебе жениться?! — переспросил Хохлов, будто не веря себе, и захохотал.

— Мить, ты хочешь, чтобы я обиделась?

— Ничего ты не обидишься, — уверил ее он. — Ерунда какая!.. А Кузя что? Предложение сделал?

— Представь себе, сделал!

— Ну, он же говорил, что после Катьки-заразы ни на ком больше никогда не женится!

— Это он раньше так говорил, а теперь говорит, что... ну, короче, он просит меня выйти за него замуж.

— А ты что?

Она опять вздохнула:

— А я не знаю. Вот тебе звоню. Чтобы посоветоваться.

— Да чего советоваться, — грубо сказал Хохлов. — Ну если хочешь, выходи за него замуж, да и все. Подумаешь, бином Ньютона!..

— Да я сама не знаю, хочу я или нет!

— Ариш, — сменив грубый тон на проникновенный, произнес Хохлов. — Ну, мы же все знаем, что он сумасшедший. Ну хочешь замуж — выходи, но чтобы никаких иллюзий, поняла?!

— Каких иллюзий, Митя?

— А никаких! Выбрала психа, значит, будет у тебя муж-псих! Все равно ты его никогда не перевоспитаешь и нормальным не сделаешь! Превратишь свою квартиру в дурдом и будешь в нем жить со своим мужем-психом. Вот так. И никаких иллюзий.

Тут она вдруг заплакала, и Хохлов совершенно не понял, из-за чего. Ничего такого он ведь не сказал!..

— Все вы, мужики, сволочи и придурки, — всхлипывала она.

— Да это понятно, — подтвердил Хохлов, и она положила трубку.

Ничего. До завтра авось замуж еще не выйдет, а с утра он ей перезвонит, и они все обсудят.

Кузя сделал ей предложения, поди ж ты!.. Поднимаясь по лестнице, где третья ступень была отколота, а последняя торчала вверх, как неправильно выросший зуб первоклассника, Хохлов даже головой покрутил. Эк его разобрало, Кузю-то!.. Впрочем, удивляться нечему. Катька-зараза бросила его уже лет восемь назад, но жизнь идет, нужно как-то устраиваться, так почему бы и не жениться ему на Арине Родиной?! Никакая «новая» женщина за него уж наверняка не пойдет, а Аришка своя и замуж никогда не ходила, самая подходящая для него партия!..

Рассуждая таким образом, Хохлов довел себя прямо-таки до белого каления и, когда Лавровский открыл дверь, уже пребывал в состоянии быка, который роет копытом землю и готов боднуть первого, кто попадется ему на рога, хоть своего собрата-быка, хоть матадора, хоть забор.

Лавровский на пути был первым.

— А ты чего, спать, что ль, в полвосьмого ложишься?! Как в голландском городе бюргеров?!

— Мить, ты чего?

— И двор ни хрена не чищен! Или у жильцов денег не хватает дворника нанять?!

— Митя!

— Если не хватает, так я могу ссудить! Только на дворника и по карманам не тырить! Машину некуда поставить, твою мать...

— Дмитрий, — громко перебила его излияния жена Лавровского Света, появляясь в тесной прихожей. — Я прошу тебя не выражаться. У нас дети.

— Ах, пардон, пардон! — вскричал Хохлов. — Прощения просим! Недоглядел! Ошибся! Больше не повторится!

— Митька, — миролюбиво сказал Лавровский. — Ну

чего ты ерепенишься? Поругался со своей, и ладно!.. Мы-то ни в чем не виноваты!

Виноваты были все — и Лавровские с их детьми, и родители с их машиной, и Арина с Кузей.

— Ты останешься ночевать? — спросила Света. Голос был недовольный, и это тоже понятно.

Кому охота суетится, организовывать «спальное место», до полшестого прислушиваться к кухонным разговорам и звону стаканов, до полседьмого старательно зажмуривать глаза, когда гость лезет через «большую комнату», где спят хозяева, в туалет! А утром встать помятой, невыспавшейся, разбитой, быстренько ликвидировать на тесной кухне последствия возлияний, быстренько собрать детей в школу, сушить одежду муженьку, который сидит на краю тахтюшки в трусах, таращит мутные глаза и невыносимо воняет перегаром! Да и неизвестно, насколько гость прибыл, может, на три дня, а может, на неделю! По молодости бывало и так, что они по месяцам друг у друга ночевали, когда ссорились с женами и начинали «жизнь заново»!

— Светик! — провозгласил Хохлов. — Я все понимаю, но деваться тебе некуда. Твой муж работает на меня, и поэтому я тиран и самодур и с подчиненными веду себя как хочу. Сегодня я изволю у тебя ночевать, и ничего ты с этим поделать не можешь!

— Какой я тебе подчиненный! — себе под нос пробормотал Лавровский.

У него была «особенная гордость», и этой гордости трудно было смириться с тем, что Хохлов платит ему деньги. Вот трудно, и все тут!..

— Наш Кузя сделал Арине Родионовне предложение, — сказал Хохлов, нагнулся и стал искать тапки под обувной полкой. Вытащил серые от пыли и не стал надевать.

— Да ты что? — изумилась повеселевшая Света. —

Ну... и отлично! Они хорошая пара, и, в конце концов, ей замуж давно пора!..

Тут Лавровский и Хохлов одновременно вскрикнули, но разное. Лавровский укоризненно вскрикнул:

— Света!

А Хохлов:

— Ну, не за Кузю же!..

Света же, напротив, ответила обоим сразу:

— А что — Света? И почему не за Кузю? Ну, если разобратся, он ведь совершенно нормальный мужик! Очень даже хороший! — И она отправилась на кухню.

— И если очень приглядеться, он отличный пацан, — блеснул Хохлов знаниями русской поп-культуры. — Жениха хотела, вот и залетела, лай-лай-ла-ла-лай!

Света моментально вернулась из кухни. Вид у нее был совершенно счастливый:

— Залетела?! Арина залетела от Кузи?!

— Это песня, — объяснил Хохлов. — Я пою, ты что, не слышишь? Лай-лай-ла-ла-лай!

— Не залетела? — переспросила разочарованная Света, по хохловскому лицу она поняла, что ее надежды не сбылись, и вернулась обратно на кухню.

— А откуда ты узнал? — шепотом спросил Лавровский. — Ну, что Кузя предложение сделал?

— От Родионовны, откуда же еще!..

Памятуя о няне великого поэта Пушкина, свою подругу Арину Родину они звали, разумеется, Ариной Родионовной. Звали так уже лет, ну, восемнадцать, и все это время сия шутка их смешила.

— Он мне тоже звонил, — сообщил Лавровский.

— Он — это кто? — уточнил Хохлов. — Тебе тоже «звонил» Арина? Наш «девочка» звонил тебе?

— Кузя звонил. С полчаса назад. Говорил загадками, наверное, из-за того, что жениться собрался.

Хохлов сел на диван. За тонкой дверкой из крашеной под мореный дуб фанеры раздавались голоса. Девоч-

ка верещала: «Отдай!», а мальчик монотонно повторял: «Не отдам, не ной!» На кухне Света гремела посудой, и слышимость была такая, как будто она накрывала стол прямо тут, на диване.

Вот интересно, можно накрывать *стол* на *диване*?!

Лавровский походил по комнате, зачем-то выглянул в окно, поправил занавеску, вернулся и примостился рядом с Хохловым.

— А откуда у него могут быть деньги, а? — спросил он, и беспокойство, самое настоящее, словно выпавший снег, вдруг покрыло все его лицо и даже длинный нос. — Или он гранты какие-то добыл?

— Кто добыл гранты? — спросил Хохлов и зевнул.

— Я имею в виду Кузю.

— Да какие у него гранты, Дим! Ты же знаешь! Чтобы гранты были, нужно на конференции ездить, в научных журналах печататься, умные речи произносить, с нужными людьми сходитья! А Кузя сидит всю жизнь на одной теме да все толкует про то, что кооператоры родину продали! А раньше толковал, что коммунисты ее продали! Ты чего? Забыл?

— Да я помню, — согласился Лавровский, — но тогда откуда у него деньги?!

— Какие деньги? Полтинник к зарплате прибавили?! Госдума приняла закон о поддержке молодых дарований вместе с поправкой, что отныне молодым дарованием считается каждый научный работник младше восьмидесяти пяти?!

— Ты не ори, — попросил Лавровский и показал головой на кухонную дверь, за которой орудовала Света. — Ты же знаешь, как она... болезненно относится...

Света Лавровская очень переживала из-за того, что ее муж не выбился в олигархи или, на худой конец, в управляющие небольшой нефтяной или алмазодобывающей компании.

— А чего ты пристал, — покорно зашептал Хохлов. — Какие у Кузи деньги, откуда?

— Да я и сам не знаю, — признался Лавровский. — Он мне сегодня сорок минут мозги парил, что у него теперь будет много денег. Может, он на Ариныны рассчитывает!

— Приваловские миллионы! — провозгласил Хохлов, позабыв о конспирации. — Миллионер женится на миллионерше, и состояния объединяются!

Света выглянула из кухни.

— Какие миллионы? Вы о чем?

Лавровский отвернулся.

— Я! — сказал Хохлов. — Я никак не могу сосчитать свои миллионы. Что-то много их стало, беда прямо!..

— Вот-вот, — согласилась Света и скорбно поджала губы. — Некоторые зарабатывают, а мой муж только на посылках бегает!..

— Светик!

— Да ладно тебе! Вон Хохлов как устроился, сам себе хозяин, и наниматель, и начальник. А ты!.. Ведь какие надежды подавал, какие надежды!

Хохлов уж был не рад, что затеял этот разговор, не рад, что помянул дурацкие «приваловские миллионы», не рад, что приехал и бросил на помойке машину, а еще ведь придется здесь ночевать.

Может, к матери поехать?.. Или к Родионовне?.. Небось примет, не выгонит же! В конце концов, он в кресле-кровати может спать, а она на диване или на раскладушке на кухне.

Пожалуй... пожалуй, это мысль.

За псевдодеревянной дверкой послышался звук плюхи, потом была некоторая пауза, а после нее трубный рев:

— Ма-ама! Ма-ама!

И еще голос, несколько встревоженный:

— А я сколько раз тебе говорил — не лезь! Сколько раз я говорил?! А ты все лезешь и лезешь!

Растрепанная девочка в фиолетовой юбочке и спущенных колготках вылетела из «детской», как шикарно называлась в этой семье боковая комнатуха, и пролетела мимо Хохлова с Лавровским.

— Ма-ама! Владик дерется! Он меня ударил!

— А я сколько раз тебе говорил, чтобы ты к нему не лезла!

— А я и не лезла!

— За что же тогда он тебя ударил?

— Я поиграть хочу, а он мне не дае-е-ет!..

— Владик! — закричала из кухни Света. — Владик, пойди сюда немедленно!

— Ну чего, чего надо? Сказал, не дам, значит, не дам! И вообще, это мой компьютер!

— Владик, вы должны играть вместе!

— А зачем тогда мне компьютер купили?! Зачем, а? Чтобы она играла?! Это мой комп, и я на нем играю, когда хочу, а ей не дам!

— Я его выброшу, этот ваш комп! — загремел Лавровский и поднялся с дивана. Хохлов потер лицо. — Это что за война на ночь глядя?! Всем немедленно спать!

— Да что я, малолетка, что ли, чтобы спать в девять?! Вот она пусть и ложится, а я не буду!

— Дети, вы должны играть вместе.

— Я не хочу с ни-им игра-ать! Он дерется-а-а!

— А что ты лезешь?! Что она лезет, пап?!

— Здравствуйте, дети! — громко сказал Хохлов, которому надоел концерт. — Я пришел к вам в гости.

Девочка моментально повернулась к ним спиной, а Владик буркнул:

— Здрасти.

— Клара! — строго сказала Света. — Немедленно поздоровайся с дядей Митей, как следует.

— Не хочу.

— Клара!

— Свет, отстань от нее, — попросил Хохлов. Ему было все равно, поздоровалась с ним Клара или нет.

...угораздило же Кузю свататься к Родионовне! На семнадцатом году знакомства! Впрочем, Родионовна еще молодая, младше их всех лет на пять, ну, может, на четыре. Вот теперь они поженятся, и будет еще одна счастливая пара, вроде Лавровских. Кузя станет тянуть лямку, а она его пилить за то, что плохо тянет или тянет не в ту сторону.

Впрочем, не будет Кузя ничего тянуть. Он привык жить так, как ему нравится, и Катька-зараза когда-то сказала, что развелась с ним не потому, что он *не может* быть хорошим отцом и мужем, а потому, что он *не хочет*, а это слишком обидно.

Если Кузя станет обижать Арину Родину, он, Хохлов, собственноручно набьет ему физиономию.

И что от этого изменится? Ничего не изменится, ровным счетом!.. И это тоже очень обидно.

— Чай готов! — провозгласила Света. — Митя, тебе черный или зеленый?

Хохлов хотел есть и, следовательно, не хотел ни черного, ни зеленого чаю, но делать было нечего, и он сказал, что хочет черного. На тесной кухоньке было не уместиться, да еще вместе с гостем, а накрыто было именно там, и некоторое время все «переезжали» в большую комнату, двигали стол, освобождали его от газет, телефонных счетов и случайных бумажек, под которыми вдруг обнаружился журнал «Женская прелесть». Хохлов, знавший по опыту, что чай дадут еще не скоро, углубился в «Прелесть» и вычитал там, что звезда экрана Елена Прошкина каждое утро купается в своем личном бассейне, гуляет босиком по своему личному саду, даже когда он засыпан снегом, ест только французскую говядину, которую специально для нее выращивают в Нормандии и присылают специальным самолетом почти

парную, и запивает ее только итальянским вином, которое специально для звезды доставляют из Италии тоже специальным самолетом, чтобы вино не взбалтывалось и не выпадало в осадок.

— Ишь ты!.. — удивился Хохлов.

Ему казалось, что в здоровом уме и твердой памяти никак невозможно проделывать такие штуки, какие проделывала Елена Прошкина, а потому он был уверен, что все написанное — вранье от первого до последнего слова.

Просто в Отечестве в наше время стало модно быть «звездой по западному образцу». Что там у нас дано в образце? Ну, вот это самое вино из Бургундии, виски из Шотландии, личный бассейн, личный самолет, личный замок на берегу Луары или, ладно уж, в Монако. Какой-нибудь смутный и трудно формулируемый порок, например, страсть к шубам из меха шимпанзе или разведение плотоядных цветов. Экзотическое увлечение, что-то вроде прыжков с парашютом или полетов на параплане, но непременно с горы Монблан. Ну, еще повенчаться в православной церкви Иерусалима или принять католичество, и тогда уж в соборе Святого Петра в Риме. Так, что там еще? Ну, подружиться с Пьером Карденом, разумеется, чтоб «как Майя Плисецкая». Можно еще с этими двумя... как же их... с Дольчей и Габбаной и заказывать у них наряды, такие, чтобы на спине бриллиантами была выложена надпись русскими буквами «Герман + Роза», в том случае если «звезду» зовут Розой или Германом. Ну, и еще парк раритетных автомобилей, пара эскизов Ван Гога на даче, а между Ван Гогами фотография самой звезды в вечернем туалете с Джорджем Бушем под ручку.

«Шестисотые», Рублевка и добротные английские костюмы давно устарели, что вы, ей-богу!..

А может, ну его, этот чай? Позвонить Родионовне, да и ехать прямо к ней, авось приютит, не выгонит! Да,

а если там... Кузя? Ну, на правах жениха?! Тогда придется к Галчонку возвращаться, да и наплевать, все лучше, чем здесь! О чем он думал, когда поехал к Лавровскому?!

— Клара, давай сахар, Владик, а ты подай дяде Мите чашку. Де-ети! Прекратите!

— Мам, она на меня плюнула!

— Вот сколько раз я просила его не покупать детям компьютер! — в сердцах сказала Света. — Сколько раз! Нет, он все-таки купил и приволок, и теперь из-за этого у нас сплошные ссоры и драки!

— За детьми смотреть надо!

— Вот и смотрел бы! Чего ж не смотришь?!

— Свет, я на работу хожу!

— И я хожу! Все люди ходят на работу, и что в этом такого?! Мить, ну вот ты подумай! Сколько он денег угрохал на компьютер, почти штуку! Приволок, и теперь они по очереди сидят и стреляют. Ну, ничегошеньки больше не делают, и ничегошеньки их не интересует! Дала книжку прочитать, так Владик ее бросил! Дала другую, так он и ту бросил!

— Поздно сейчас давать, — философски заметил Хохлов. — Надо было давать, когда они еще читать не умели, авось потихонечку и привыкли бы! А сейчас зачем она им, книжка-то? По башке друг друга лупить, а больше и незачем!

— Вот-вот, — согласился Света, не уловив никакого подвоха. — И лупят, представляешь! А в школе мне говорят, что он в классе самый безграмотный! Клара, носи сахар. Владик, подай дяде Мите чашку! Дим, а тебе особое приглашение нужно?

Хохлова всегда интересовало, что это за «особое приглашение» такое, и никогда он не мог этого понять! Ладно бы, если бы всех зазывали какими-то обыкновенными приглашениями, а одному требовалось «особое», но ведь всех приглашают одинаково!..

Он придвинулся к столу, взял из рук Владика чашку,

с которой тот стоял столбом, очевидно позабыв, кому он должен ее отдать, и пристроил ее на блюдце.

— Чай свежий, — объявила Света. — Утром заваривала, перед работой.

Хохлов вздохнул, налил себе полчашки заварки и добавил кипятку. Чай вышел холодный и невкусный.

— Ма-ам! Я не буду с ним рядом сидеть, он мне на голову сахар сыплет!

— Клара, пересядь к папе! Все из-за проклятого компьютера!

— Я его в спальню заберу, — пригрозил отец семейства, — и без моего разрешения к нему никто не подойдет!

— Не надо было эту дрянь вообще в дом тащить!.. И столько денег за него отдал, лучше бы на отпуск оставил!

— Свет, отстань.

— Да что отстань! У мамы больше года не были, и денег нет, чтобы поехать!

— Да есть у нас деньги, чтобы к твоей маме ехать! — Лавровскому было неудобно, и время от времени он искоса взглядывал на Хохлова, как бы извиняясь. Тот хлебал коричневую жидкость и делал вид, что ничего не замечает

— Ты мне комп подарил, — встрял сын Владик. — Значит, он мой и есть! И ты права не имеешь забирать его в спальню!

— Если вы будете из-за него драться, заберу!

— А я тогда из дома убегу!

— Владик, ну что ты болтаешь? Митя, может, ты поешь хочешь, а я даже не предложила!

— Нет! — испуганно сказал Хохлов. — Не хочу.

Света посмотрела на него, как будто в раздумье.

— А ты чего приехал? — вдруг спросила она. — С Галкой поругался?

— Галка села на заборе, — произнес Хохлов, которо-

го весь вечер тянуло на цитаты, — и сказал ребятам Боря просто так!..

— Ты бы женился на ней, — посоветовал Лавровский добродушно. — Жили бы, как все люди! А то, что ни неделя, так вы в ссоре!

— Не хочу я, как люди, — еще больше перепугался Хохлов. — Что хорошего-то?

— А бобылем лучше? — мягко сказала Света.

Почему-то, если разговоры заходили о женитьбе, неважно о какой именно, даже такой несостоятельной, как его женитьба на Галчонке или Кузина на Родионовне, все друзья и подруги приходили в необыкновенно лирическое состояние, смотрели добрыми глазами и говорили добрыми голосами. Вот этого Хохлов решительно не понимал. Жить как все люди — это значит поминутно выражать друг другу неудовольствие, поминутно раздражаться из-за мелочей, поминутно разнимать дерущихся детей и мечтать вырваться хоть на денек на рыбалку или к подруге с ночевкой?! Не хотел он такой жизни, не нравилась она ему!..

— Если хочешь, давай я ей позвоню, Мить, и вы помиритесь! Ну, я же все про вас знаю! Вы жить друг без друга не можете и ругаетесь поэтому!

Тут Света ни с того ни с сего прислонилась к Лавровскому плечом и даже как будто нежно потерлась. Тот слегка потрепал ее по затылку и отстранился. Ему было неловко, и Хохлов отлично понимал, отчего ему неловко.

— Позвонить, Мить? — И она даже приподнялась, чтобы бежать к телефону и мирить Хохлова с его подругой.

Это было «интересно». Гораздо «интереснее», чем разбирать домашние дразги и накрывать на стол.

— Боже сохрани, — сказал Хохлов и допил невкусный чай. В животе, куда тот пролился, как-то скорбно засосало, и показалось, что это ветер засвистел. Все-та-

ки Хохлов не ел с самого утра, да и на завтрак ничего вкусного не было. Галчонок ленилась готовить, и Хохлов, как правило, довольствовался невразумительным мусором, состоящим из фруктовых очисток, отходов от обмолота злаковых и изюмной крошки, которая скрипела на зубах, как песок. Мусор продавался за деньги и назывался «Мюсли».

Фу, какое слово противное! Тоже скрипящее на зубах.

— Ну ладно, бойцы! — сказал Хохлов и поднялся. — Вы тут допивайте, спасибо вам за любовь, за ласку, а я поехал.

— Ты разве ночевать не будешь? — обрадованно спросила Света.

— Нет.

— Я тебя провожу, — решительно сказал Лавровский. — И зря ты, Мить! Оставался бы!..

— Куда ты пойдешь его провожать?! Десятый час! Он что, маленький?! Не дойдет до своей машины, что ли?

— Свет, угомонись! Я на пять минут выйду и вернусь.

Она посмотрела на одного, потом на другого. И поджала губы:

— У вас какие-то тайны?

— Нет у нас никаких тайн. Ты лучше детей спать положи, а я через пять минут приду!

Она помолчала и сказала:

— Тогда мусор захвати. У дверей пакет, на кухне пакет, и я еще сейчас из ведра достану.

— Свет, я завтра мусор вынесу!

— Завтра ты на работу уедешь, и я опять все попру сама! Знаю я, как ты завтра вынесешь! Давай бери пакеты и иди!..

— Мама, он мне в чай соль насыпал!! Ма-ама!

— Дурдом, — сказал Лавровский и пошел на кухню за мусором. Хохлов быстро обувался.

Но что ни говори, жениться по любви не может ни один, ни один король!

Ну, вот, например, Лавровский. Женился по безусловной и пламенной любви. Они даже встретились очень романтично, как в кино семидесятых, то ли на выставке картин, то ли на симфоническом концерте.

Нет, кажется, на выставке, потому что Лавровский всегда очень хорошо рисовал, «подавал большие надежды» и в этом отношении тоже, и однажды расписал сказочными картинами стены в студенческой столовой, за что получил повышенный «общественный балл» от деканата.

Они встретились, и случилась у них любовь, как все в том же кино. Светка была похожа на всех тогдашних героинь — худенькая, большеглазая, стриженная «под Мирей Матье». Носила джинсы и водолазки, чудесно пела, чудесно играла на гитаре и смеялась нежным заразительным смехом. На Лавровского она смотрела снизу вверх, как будто обожала глазами, и внутри ее зрачков горели ласковые золотистые искры. Он покупал ей осенние лохматые астры, и на подольской электричке они ехали в Царицыно и гуляли там меж старинных развалин, и она прятала лицо в свои лохматые астры, и, когда поднимала голову, отсвет от цветов ложился ей на щеки. По пруду плыл желтый лист, в высоком и холодном небе стояли редкие облака, и вся жизнь еще только начиналась.

Хохлов был уверен, что эти-то уж точно сохранят любовь навсегда, именно такую, как в кино, и этот царицынский парк словно являлся гарантией того, что все будет хорошо.

Жизнь началась, и продолжалась, и продолжается до сих пор, только все изменилось так же непоправимо и однозначно, как непоправимо и однозначно было то, что юность больше никогда не вернется.

Надежды не оправдались. Лавровский подвел, и царицынский парк подвел тоже.

Грянула революция, девяносто первый год пришел и смел все, что было до него, а щенят, только что окончивших институты, таких, как Хохлов, Лавровский, Кузя и Димон Пилюгин, четвертый из их студенческой компании, и вовсе не пощадил. Они кинулись врассыпную, продолжая твердить друг другу, что их дружба навсегда, что «уходит бригантина от причала», что «не стоит прогибаться под изменчивый мир», что они сильнее, и они смогут.

Ну, и на самом деле, по большому-то счету, смогли — никто из них не умер, не погиб в девяносто третьем у Белого дома, хотя все туда бегали и изо всех сил лезли на рожон, не спился, не стал законченным наркоманом или бандитом. Все потихоньку гребут и выгребают против течения, может, кроме Кузи, который всегда жил только в соответствии со своими законами, единственными, которые почитал «разумными»!

Лавровскому оказалось труднее всех, потому что он был художественно одарен, а такой дар не нужен «в эпоху перемен», как все привыкли называть то смутное время, в котором жили.

После института он некоторое время побыл военным инженером, но натура художника бунтовала против ограничений, когда все по уставу, да и армия начала разваливаться так стремительно, что никто не успевал подбирать куски и латать дыры.

Из армии пришлось уйти, и наступили тяжелые и голодные времена. Лавровский пошел было торговать на биржу — тогда все ходили на биржу и чем-то там торговали, — но немного опоздал. К тому времени, когда он влился в армию торговцев воздухом, все сливки уже были сняты, поделены и частично проедены и вложены в малиновые пиджаки и пригнанные из Германии «мерины», вошедшие в моду. Что-то он заработал, конеч-

но, и пиджак себе завел, не малиновый, но зато в полоску, и машину купил, и научился кататься на горных лыжах, и поехал на курорт.

Света осталась в Москве — Владик был еще мал, с кем его оставишь?..

Там, на курорте, Лавровский познакомился с разными отчаянными парнями и длинноволосыми девушками, каких никогда не видел раньше... в прежней жизни.

Девушки водили машины, катались на лыжах, курили длинные коричневые пахитоски со странным английским словом на пачке — на отечественный манер оно звучало, как «море». С этим самым «морем» в зубах, шикарные, как картинки из иностранных журналов, с кольцами в ушах и блестками на веках и щеках, они сидели на открытых верандах высокогорных отелей, пили коньяк, хохотали и встряхивали волосами, и в их хохоте и встряхивании было нечто недоступное, порочное и очень притягательное. Лавровского они будоражили, как подростков будоражат эстрадные звезды, отделенные от внешнего мира прочным, словно алмаз, стеклом телевизионного экрана. Он стал плохо спать, просыпался в испарине, был разбит, раздавлен и катался из рук вон плохо.

— Митька, — сказал он однажды Хохлову, который тоже тогда потащился с ним на курорт, — ты понимаешь, Митька?!

— Нет, — ответил прозаический Хохлов, который на прекрасных одалисок не обращал никакого внимания и только и делал, что катался, и все время — по черным и красным трассам.

— Как же так, Митька!.. Нам ведь уже скоро по двадцать семь стукнет, а мы не видели никакой жизни! Никакой, ты пойми!.. — В глазах у Лавровского была тоска, настоящая на местном французском коньяке и русском комплексе собственной неполноценности.

— Какой жизни мы не видели?..

— Ты пойми, Митька, — продолжал убиваться Лавровский, — нам даже нечего предложить, чтобы хоть одна из них нас оценила!

Тут как раз «одна из них» проходила мимо, и бело-снежный лыжный костюм, какого невозможно было достать в Москве, сиял на солнце, и темные очки сияли, и волосы летели по ветру, и лыжи за ней нес какой-то верный паж, писанный рекламный красавец, и тревожный запах ее духов будоражил ноздри и мозг, раздражал, соблазнял.

— Кто нас должен оценить? — осведомился Хохлов, который прикидывал — съехать еще раз или переключиться на горячий грог и глинтвейн. — Вот эти, что ли?

И он непочтительно, щетинистым русопятым подбородком указал на нее, ту, что не просто проходила мимо, ту, что нес по волнам волшебный и волнующий ветер другой, прекрасной и необыкновенной жизни.

— На них известно как производить впечатление, — продолжал приземленный Хохлов, нагнулся и стал расстегивать крепления. — И вполне известно, что им можно предложить! «Зеленых» побольше, желательно несколько кило, и твое дело в шляпе! Некоторое время можно не беспокоиться: пока «зеленые» не пойдут на убыль, ты будешь производить на нее самое светлое впечатление, как дедушка Ленин на молодых коммунистов. А что? Ты хочешь попробовать?

Лавровский ничему не поверил — ни подбородку, презрительно выпяченному в сторону волшебницы, ни гадким словам. Не поверил, и все тут.

Он стал их рисовать, этих красавиц, словно сошедших или нет, вспорхнувших со страниц залетных американских журналов, которые в пору их молодости попадали в триста четырнадцатую физическую аудиторию. Их в то время под полой приносил кто-то из студентов, у которого друг был сыном торгпреда или подруга дочкой дипкурьера, что-то в этом роде.

Лавровский рисовал их день за днем, осунулся и пожелтел, но снискал к себе внимание со стороны одной из них. Она скучала без своего миллионщика, и Лавровский, эдакий Чайльд Гарольд, привлек ее непостоянный и капризный интерес.

Грянул роман.

Да еще как грянул!.. Горные вершины содрогнулись, лавины покатались и накрыли долины, солнце повернуло вспять и вместо того, чтобы падать за горы, стало падать вверх, вверх, все время вверх!..

Света в ее джинсиках, с прической «под Мирей Матье», большеглазая, любившая песенку про бригантину, что поднимает паруса, была забыта начисто. Забыт был также маленький Владик, и все их заботы стали казаться мелкими и пустяковыми, мещанскими и глупыми по сравнению с той любовью, которая накрыла мужа и отца.

Какие там мечты о квартире, пусть однокомнатной, но зато своей!.. Какая, к черту, разница, что именно сказал на совещании Петрунько и что ему ответила на это язва Панкратова!.. Что ему, Лавровскому, может быть за дело до вредной директрисы детского сада, которая вымогала взятку, и непременно портьерами для актового зала!

Всепоглощающая вселенская вертеровская страсть продолжалась дней пять — вот как много!

Занудный Хохлов прогнозировал окончание романа через три дня и просчитался.

Лавровский ничего не замечал. Целые дни он проводил в постели, нежа и лаская свою волшебную возлюбленную. Он все пел ей колыбельные песенки, укачивал на руках, баюкал и прижимал к сердцу, которое все время нестерпимо болело — от любви.

Потом ей на мобильный телефон позвонил ее миллионщик, она в два часа собралась и уехала — как и не было ее!..

Лавровский, оглушенный свалившейся на него бедой, даже толком не понял, что произошло.

Он растерянно усаживал ее в такси и заглядывал в глаза, жалобно, как собака, которую собираются топтать, и она, собака, понимает, что вот эта рука, вот эта самая, обожаемая, знакомо пахнущая, единственная в мире рука, самая верная и сильная, самая необходимая на свете, сейчас убьет ее. Понимает, но ничего не может поделать, потому что любовь сильнее инстинкта самосохранения — утонуть можно, а убежать нельзя — куда побежишь, когда жизнь есть только вблизи этой руки, а все остальное мученическая мука!..

— Димасик, — деловито сказала его волшебница, счастье и смысл его жизни. — Ты, смотри, в Москве не вздумай меня искать или, боже тебя сохрани, звонить! Ты же у нас мальчик... того... романтический. Вовасик тебя тогда убьет, и все, понимаешь? Понимаешь, Димасик?

Лавровский тупо кивнул.

— Ну вот, ну вот и умница, — прощепетала чертовница. — Ты же хороший мальчик, да? Все мальчики любят своих девочек, да? Но когда приходит время, они своим девочкам не мешают, не ищут их, не пристают... Димась, а ты телефончик мой знаешь?

— Нет, — сказал Лавровский. — Откуда? Ты же мне его не давала.

— И не надо, и правильно, что не дала. — Она уже уселась в машину, расправила складки диковинной белой шубки, подняла на лоб очки и пробормотала себе под нос: — Да ладно, не беда, прилечу в Москву, поменяю, в первый раз, что ли!..

Потом повернулась к распахнутой двери, у которой на пыточном огне горел несчастный Лавровский, и поцмокала губами в воздухе, посылая поцелуй:

— Димасик, пока! Я тебя очень люблю.

Потянула дверь, прихлопнула, и такси тронулось,